

Пабло Неруда

Из книги «100 сонетов о любви»

Перевод с испанского Сергея Крюкова

Всемирно известная книга чилийского поэта, лауреата Нобелевской премии (1971) Пабло Неруды, нашедшая широчайшее международное признание, впервые представлена русскоязычному читателю в форме рифмованных классических сонетов.

Сонет 6

Я срезал ветку, заблудившись в чаще,
И хруст её к сухим губам поднёс.
То был ли шёпот ливня, полный слёз,
Иль треснувшего сердца стон хрипящий?..
Передо мною всплыл из дали дальней
Давно знакомый образ или звук,
Прорвавший толщу тысячи разлук
И беспредельность осени печальной.
И ветка, пробуждённая губами,
Заполонила чашу голосами,
Рождёнными пареньем аромата.
И замер я – кольнули сердце снова
Былые сны родительского крова,
В дни детства устремляя луч заката.

Сонет 20

Моя дурнушка, ты – всклокоченный каштан.
Красавица моя, не ты ли – ветра прыть!
Огромный этот рот на два бы разделить,
Но свежести родник ему природой дан.
Дурнушка ты моя, ну, что это за грудь! –
Два зёрнышка пшена едва-едва видны.
Хотел бы у тебя я видеть две луны,
На храмных куполах присевшие вздремнуть...
Дурнушка! От цветка – к цветку, всегда, везде,

Красавица моя, как от звезды – к звезде,
Как от волны к волне тебя я обретаю...
Ведь от мерцающей морщинки меж бровей
До складки, что и днём – темнее всех теней, –
За твой слепящий свет, за тьму люблю тебя я.

Сонет 32

Спросонок дом воистину – вверх дном!
И новый день родится из белья
Постелей... Точно жалкая ладья
Плывёт от снов в ту явь, что станет днём.
С собою вещи тащат чью-то тень
Путиами неизведанной науки,
Таят бумаги скомканные звуки,
На дне бутылки спит вчерашний день...
Ты, как пчела трепещущим крылом,
Сгоняешь мрак, застрявший за углом,
И проливаешь свет своею властью.
И ясность воздвигается, как дом,
И жизни дух талантом и трудом
В дому и в мире утверждает счастье!

Сонет 38

Трясётся дом грохочущим составом,
Поёт плита, гудит осиный рой,
В саду фонтан рокошет, как прибор,
Твой смех бежит по пальмовым октавам...
Лазурь стены беседует с брусчаткой,
Приходит телеграмма, стынет чай...
И меж смоковниц, словно невзначай,
Вот-вот Гомер прошаркает украдкой.
Там, в городе, – ни голоса, ни стона.
В проулках тишина вершит законы,
Лишь водопад доносит рыки львов.
А ты шумишь, поёшь, спешешь куда-то,
Но лишь за дверь, как в доме – без возврата
Осенний холод наступить готов.

Сонет 44

Я люблю и не люблю одновременно.
Жизни противоположности нужны.
Звуки – это только крылья тишины,
А огонь – прозреньё холода Вселенной.
Я люблю лишь для того, чтобы любить,
Вновь исчерпывая жизни бесконечность.
Но любить я должен – день, и год, и вечность... –
Вот за это я любовь хочу забыть.
Я люблю и не люблю, как будто я
Балансирую на кромке острия
В роковом предощущении потери.
Два пути, две жизни сложены во мне:
Я люблю – и этим счастлив я вполне;
И, когда я не люблю, в любовь я верю.

Сонет 45

Не уходи из дома ни на день.
Ведь этот день – длиною в бесконечность!
Так на вокзале проклятая вечность
Ждёт поезда спасительную тень.
Не уходи из виду ни на час.
Во мне сольются струи всех бессонниц,
В набат соединятся звуки звонниц,
Чтоб реки слёз исторгнулись из глаз.
Не оставляй меня в слепой тоске
Ни на минуту. Россыплю в песке
Не поддавайся жадной круговерти!
Ты и за миг так далеко уйдёшь,
Что не найти ни правду мне, ни ложь –
Увижу ли опять тебя до смерти.

Сонет 59 (Г. М.)

Гонимый жизнью – обретёт со смертью
Покой, какого в жизни просто нет.

Но умиротворится ли поэт
Бесстрастной похоронной круговертью!
Он – словно торный камень на дороге,
Терзаемый подковами судьбы
В пучине – с властью бездарей борьбы,
Чтоб, даже умерев, почить в тревоге.
Прохвосты, чая, что ушёл гонимый,
Ему поют засаленные гимны
С тупой чванливой важностью свиней.
Но ругань, что алкала этой смерти,
Сомкнёт зловонный рот.
На этом свете
Смерть гения поставит крест на ней.

Сонет 60

В меня стреляя, и тебя поранят.
И яд стрелы, отпущенной в меня,
Вскипев в горниле моего огня,
Вослед за мною и тебя отравит.
Я так боюсь, что юный облик лунный
Пересечёт морщиною вражда,
Что злые сны повадятся сюда,
Порвав клинками злобы – арфы струны...
Хочу я улыбнуться, поднатужась,
А в зеркалах – гримасы корчит ужас.
В углах злословит зависть целый день.
Пустой костюм ворчит из тьмы кромешной,
И с мерзкою кровавою усмешкой
За мною ковыляет злая тень.

Сонет 65

Матильда, где ты?.. Сердце давит бездна
Всей тяжестью бездонной пустоты,
Ломая грудь! Матильда, где же ты!
Мне жизни нет с тех пор, как ты исчезла...
Присутствие твоё необходимо.

Я жгу надежду взглядом в пустоте.
И звёзд не видно в гулкой высоте
Сквозь тень беды, подобной ключьям дыма.
Безмолвной крышей дом притихший внемлет
Паденью листьев осени на землю.
Ночь перьями шуршит в плену дождя.
Я жду тебя тоской пустого дома.
Вернись в меня, прогнав мою истому,
Иначе окна лопнут, не дождаясь.

Сонет 70

Иду по следу, остужая разум,
По тонкому лучу судьбы твоей.
Река открылась в прореди ветвей,
Дождь небеса обрушивает наземь.
Сочится брешь сердечная дождями.
Пронзил мои терзания твой взгляд,
В больной душе глаза твои горят,
Тьма шелестит, сливаясь с небесами.
Кричу: «Кто – там?!» – но в сельве нет ответа.
В молчанье листьев, и воды, и света –
Я слышу лишь неразличимый звук.
Я, оказалось, ранен был тобою.
А думалось, что это – сумрак воеет
И дождь звенит и шепчется вокруг.

Сонет 73

Ты помнишь, как возник из темноты
Тот человек – пронзительным кинжалом?
Он чувствовал беду в дыму пожарном,
Когда любовью разгоралась ты.
С ним – женщина была, бледней луны,
Как рыба, кверху всплывшая из бездны.
Подобно мощным жерновам железным,
На наш пожар нацелились они.
Они крушили горы и леса,

Садов любви свободная краса
Несла потери, уступая взрываю...
Но вспомнила призвание любовь:
Я вырвал Имя из горящих слов –
Непроторённый путь к садам счастливым.

Сонет 76

Ривера, живописец твой, искал
В листве лесов живые изумруды,
Брал киноварь, мешая с глиной руды,
Переноса в картину вспышки скал.
Он написал твой горделивый нос,
Зажёг зрачки, огня добавил взгляду
И ото всей души – холсту в награду
Арбузно-красный спелый рот нанёс.
Нарисовал две головы анфас
Вулканами любви с огнём из глаз,
Из глины лучезарной два события –
В горящей шапке рыжего огня.
Тебя узнает каждый по наитью...
А рядом распознают ли – меня?

Сонет 86

Плывёт, фосфоресцируя, по небу
Лучистый клевер Южного Креста.
Ты, как всегда, прекрасна и чиста
В холодном свете круглой булки хлеба.
Зажгли четыре звёздных поцелуя
В морозном небе – инея сапфир –
И поднялись, предошущая пир,
Бурлящего вина тугие струи.
Дорожкой из рыбьей чешуи
Бредёт по океану в сны мои
Зелёный огонёк созвездья Юга.
Сомкни со мной на миг свои глаза:
Скрещеньем звёзд мерцают образа,
Держась огнём небесным друг за друга.

Сонет 87

Вспороли небо над Антофагастой
Три клина птиц – три ранящих ножа.
Их клокотаньем воздух задрожал –
И сердце мироздания угасло.
Тоска, ответь, где скорбный твой исток!
В прощающемся клике птиц летящих
Иль в мимолётных озареньях спящих,
Когда рожденья чуда близок срок?
Тоски земной неизъяснимый лик,
Пронзительный, как ста рожениц крик, –
В холодном небе Чили распростёрся.
Косяк осенний с ледяных морей
Песчаным косам Родины моей
Засовом неба запирает солнце.

Сонет 94

Когда умру, переживи меня...
Живи, живи неистово и жарко,
Забыв мой взгляд южанина к южанке, –
От солнца к солнцу струнами звеня.
Я не хочу, чтоб утихал твой смех.
Будь радостью: она – моё наследье.
Не призывай меня на этом свете
И в горе горьком не ищи утех.
Огромен дом забвенья моего.
Сквозь стены ты легко войди в него
И счастье нарисуй в его просторе.
Прозрачен моего забвенья дом –
И, если я тоску увижу в нём,
То, мёртвый, снова я умру от горя.

Примечание:

Сергей Крюков – поэт и прозаик, переводчик, публицист, преподаватель. Член СП России с 2005 г. Член Высшего творческого совета МГО СП России. Живёт в Москве.